

**Святой мученик Сирен, именуемый также Сирением,
пострадавший за веру в Господа, явив свое целомудрие**

Наш Спаситель – ставший истинным Богочеловеком Господом Иисусом воплотившийся от Приснодевы Марии Сын Божий, в Самом Себе благословил и исполнил девственное, не смешивающееся ни с кем чистое целомудренное житие. Поэтому не удивительно, что еще при земной жизни своего Божественного Учителя Его ближайшие ученики-апостолы из тех, кто не имел жен и детей, сохраняли свое девство, чтобы всецело посвятить себя служению Господу, Его Одного любя, к Нему Одному стремясь, о Нем Одном помышляя и с Ним Одним молитвенно беседуя. Так еще до организованных форм монашества III-IV века явлены были в Святой Христовой Церкви одиноко живущие и незаметно для окружающих денно и ночью подвизающиеся подражающие Сладчайшему Иисусу «самые первые монахи». К их числу и принадлежал мученик и монах Сирен Сирмийский, речь о котором пойдет после напоминания истории гонения на учеников Христовых начала IV века.

* * *

Вселенская проповедь Евангелия не имеющей значимого общественного положения и авторитетного вида малой горсткой учеников Господа Иисуса – святых двенадцати и семидесяти Апостолов – была настолько же поразительна успешной, насколько и мучительно напряженной по приложению всех их духовных и телесных сил. Сам Божественный Учитель, распятый на Голгофе как Иисус Назорей, Царь Иудейский¹, воскресший «в третий день по Писанием»² и в Святую Пятидесятницу с Небесе низпославый Пресвятаго Духа, благодатным вдохновением, участием и чудесной помощью свыше насадил Свою Церковь по всей тогдашней Римской империи, от Иерусалима до Александрии, Антиохии, Африки, Азии, Индии, Европы, побережий Красно-

¹ Ин. 19, 19.

² Никео-Цареградский (I-II Вселенских Соборов) Символ истинной Православной веры.

го, Средиземного, Эгейского, Ионического, Черного моря и, конечно же, в самом царственном Риме.

Везде, где проходили с проповедью о Распявшемся и Воскресшем Господе Его святые посланники, насаждались ставшие впоследствии Апостольскими Церквями общины уверовавших во Христа представителей самых разных племен и народов. И все эти новообращенные ученики и ученицы Спасителя стали насадителями и распространителями Его Святого Евангелия среди своих родных и близких, друзей и знакомых, и всех окружающих, примером своей жизни и деятельной любовью проповедуя благое духовное перерождение во спасение души.

Проповедь Христианства встречала не только отчаянное сопротивление язычества, имевшего издревле прижившуюся в «ветхом» человечестве тысячелетнюю историческую традицию, твердо регламентируемую Римской империей. Христианам ожесточенно сопротивлялся падший в доисторические времена и ставший лукавым Денница. Именно его изначально невидимая брань стала в быстро меняющемся с поступательным распространением Христианства человеческом обществе видимой.

Христос, предупреждая Своих учеников и последователей о предстоящих им лютых гонениях, благословлял им не думать о том, что именно отвечать или говорить на неправедных судилищах нечестивых гонителей, обещая верующим в Него неперемное вразумление и вдохновение от Духа их Небесного Отца³ свыше.

Господь духовно преображал и духовно вооружал Своих избранников, а сатана и его приспешники-бесы ополчали на них своих слуг и рабов, в том числе и обожествляемых в Римской языческой традиции василевсов-императоров...

* * *

Во времена святых Первоверховных апостолов Петра и Павла первым официальным гонителем и мучителем Христовых учеников стал император

³ Мф. 10, 19-20.

Нерон. Поджегший для поэтического вдохновения Римский коллизей этот ложно обожествляемый низменный человек обвинил в своем злодеянии последователей Распятого Господа. И не только обвинил, но и многих из них распял и сжег на крестах. Христиан отдавали на съедение львам и леопардам, отнимали все их имение, томили в темницах, мучили и терзали... Но кровь мучеников и мучениц становилась обильно плодоносящим семенем победоносно распространявшегося Христианства. Саму Божественную Литургию, творимую Церковью в Иисус Христово воспоминание, стали совершать на гробах мученически и исповеднически пострадавших Его рабов. Это было началом.

Завершающий этап гонений и мучений самых последних из спасающихся верных ожидается где-то в исторической перспективе: близкой или далекой Бог весть. Будет это при самой кончине мира...

А мы вспомним, как завершилось столкновение язычества и Христианства в том далеком прошлом. Оно завершилось Миланским эдиктом 313 года, изданным еще не крестившимся, но воочию (по опыту бывших ему чудесных явлений свыше) узнавшим Христа и победоносную крестную силу царя Константина. А предваряло эту земную победу Святой Христианской Церкви, начавшееся вместе с IV веком от Рождества Христова и длившееся восемь лет с лишним гонение Диоклетиана.

Этот даже давший себе из особого почитания Юпитера наименование Jovius император (284-305)⁴ дошел до высшей властной ступеньки, начав свое восхождение простым римским солдатом. Единодержавно властвуя над всей Римской империей и руководствуясь языческим здравым смыслом, Диоклетиан пришел к мысли, что таким обширным пространством, со всех сторон окруженным дерзкими врагами, управлять одному лицу в высшей степени затруднительно и не нужно. И уже в 285 году решился разделить

⁴ Гонение при Диоклетиане и его соправителях и положение христиан при их преемниках в кн. Болотов В.В., проф. Лекции по Истории Древней Церкви. Посмертное издание под ред. проф. А. Бриллиантова. Т. 2 История Церкви в период до Константина Великого. М.: Издание Спасо-Преображенского Валаамского Ставропигиального монастыря, 1994.

императорскую корону со своим товарищем по оружию Максимианом Геркулием, провозгласив его 1 апреля 285 года кесарем, и еще через год – соправителем-августом.⁵ А в 292 году, оставив за собой и Максимианом титул августов, он избрал еще двух кесарей, Констанция Хлора для Запада и Максимиана Галерия для Востока Римской империи. При этом Диоклетиан полагал, что когда его силы и силы второго августа Максимиана Геркулия придут в упадок, они отрекутся от престола и сделают своими преемниками кесарей. Отречение от власти – незаурядное дело, показывающее в Диоклетиане искренне и самоотверженно пекущегося о государственных интересах человека. Для осуществления своей правительственной реформы он воспользовался возможностью усыновления, впервые примененного Нервой (96-98). Но, не приняв во внимание то обстоятельство, что и сам государь мог оказаться не бездетным, Диоклетиан собственными глазами увидел впоследствии крушение задуманной и осуществляемой им государственной управленческой системы.⁶

* * *

Целых двадцать первых лет своего императорского правления Диоклетиан не предпринимал против христиан каких бы то ни было массовых притеснений. Они чувствовали себя настолько спокойно, что начали строить отличавшиеся известным великолепием большие храмы. Даже против дворца императора в Никомидии возвышалась большая христианская церковь. Христиане не подвергались какому-нибудь притеснению как таковые, за одно лишь свое христианское звание: им разрешалось служить в лейб-гвардии, они могли состоять на дворцовой службе. Если не тайными христианками, то весьма благосклонными к Христианству были жена Диоклетиана Приска и его дочь Валерия. Дело доходило до того, что христиане занимали места пра-

⁵ Максимиан. в кн. Грант М. Римские императоры.

⁶ Гонение при Диоклетиане и его соправителях и положение христиан при их преемниках в кн. Болотов В.В., проф. Лекции по Истории Древней Церкви. Посмертное издание под ред. проф. А. Бриллиантова. Т. 2 История Церкви в период до Константина Великого. М.: Издание Спасо-Преображенского Валаамского Ставропигиального монастыря, 1994.

вителей отдельных областей, и сделано было распоряжение, чтобы на них не возлагали обязанности принимать участие в языческих жертвоприношениях.

Но уже в 302 году Диоклетиан по настоянию жрецов одного города дал распоряжение о том, чтобы служившие там в войске христиане или отрекались от Христианства и приносили жертву богам, или оставляли службу.

Главным виновником и вдохновителем поднятого при Диоклетиане и осуществляемого против христиан крупномасштабного гонения нужно считать подстрекаемого лукавым в верности язычеству Галерия. Он так же, как и Диоклетиан происходил из самых низших слоев общества, и хотя по своему характеру был гораздо более грубым и намного менее проницательным, на его стороне была военная храбрость. И если в лучшее время правления Диоклетиана его положение как кесаря не позволяло Галерию влиять на императора, то после блистательных побед персидского похода 296-297 года общий авторитет кесаря Галерия в империи чрезвычайно поднялся, и влияние на Диоклетиана сделалось более значительным. Так что к тому же еще и подпавший в Вифинии под влияние известного своей враждой к христианству языческого философа Иерокла Галерий начал готовиться нанести свой удар против учеников Христовых.

Добившись могущественного положения, Галерий в первую очередь начинает очищать от христианского воинства армию. Он действовал в этом отношении со столь большой жесткостью и решительностью, что некоторые из христиан, которые вынуждены были оставить службу, сделались мучениками. Зная, что Галерий представляет влиятельную силу, и что верховная власть, в конце концов, перейдет к нему, принялись за противохристианские чистки и начальники отдельных частей войска. Многочисленность христиан налагала известную осторожность на тех из них, кто принимался за подобные меры. И большей частью дело обходилось без мученичества: христиане просто слагали свои военные знаки и удалялись из армии.

* * *

Официально гонение началось 23 февраля 303 года с разрушения выше упомянутого великолепного никомидийского христианского храма. На другой день после этого был выставлен подписанный Диоклетианом и Галерием эдикт, объявлявший преследование исповедующих Христову веру. Его пунктами приказывалось разрушить места общественных собраний христиан (как обширные, так и маленькие церкви), а также отобрать у христиан священные книги. Без различия своего положения и состояния все они подлежали пытке. Те, кто занимали должности, их лишались. Было объявлено, что все могут обвинять христиан, но христиане не имеют права выступать против кого бы то ни было обвинителями на суде и даже обращаться к гражданскому суду с просьбами о защите.

Все христиане подвергались «гражданской смерти». В частности, было предписано, чтобы люди знатного происхождения или занимавшие значительные должности, объявлялись бесчестными. Люди незначительные, но свободные, состоявшие в какой-нибудь службе, лишались свободы. Наконец, рабы, если они останутся твердыми в христианстве, должны были отказаться от права на освобождение. Этот эдикт был обнародован в Никомидии.

История повторяется. Повторилась и история с надуманными поводами к этим гонениям. Вскоре после издания первого эдикта, в 303 году дважды случался пожар в спальне никомидийского дворца Диоклетиана. И Галерию удалось убедить императора, что в пожаре, как и при Нероне, виновны христиане. Кроме того, появились два самочинных претендента на императорскую корону в Армении и Сирии. И христиане и здесь были заподозрены в сообщничестве с заговорщиками. Таким образом, положение их сделалось еще более неблагоприятным, и в том же 303 году были дополнительно изданы еще два эдикта. Первый из них (второй по счету во время гонения) предписывал всех представителей христианского клира, епископов, пресвитеров, диаконов, чтецов и экзорцистов заключать в темницу. И этот эдикт приведен был в исполнение с таким усердием, что даже для уголовных преступников не оставалось места в темницах, переполнившихся христианскими духовны-

ми лицами. Затем последовал третий эдикт, который предписывал принуждать взятых под стражу духовных лиц к принесению жертв и исполнивших это требование отпускать на волю, а твердых в Христианстве принуждать к исполнению всевозможными пытками. Действие этого эдикта было временно приостановлено в конце 303 года, когда император Диоклетиан праздновал в Риме 20-летие своего правления, и издал манифест, милость которого распространилась и на выпущенных тогда из темниц исповедников Христовых.

Впрочем, Галерий сумел затем наверстать эту потерю. В 304 году, когда Диоклетиан тяжело разболелся, и фактическим правителем Восточной части империи оставался этот фанатично приверженный язычеству и неутомимо злодейственный кесарь, он издал последний (четвертый и самый жестокий) эдикт, которым предписывалось вообще всех христиан во всех местах принуждать к принесению жертв и добиваться этой цели всевозможными пытками.

О том, какого рода должны были быть судебные процессы против христиан, можно судить по тому примеру, который подал сам Диоклетиан. После первого эдикта он принялся за очищение своего двора от подозрительных личностей, каковыми теперь стали считаться христиане, и вот как пытали в его присутствии одного христианина Петра. Сначала его били плетьюми до того, что стали видны кости. Затем его раны полили смесью соли и уксуса, и, наконец, изжарили на самом медленном огне. И многие правители областей проявляли при исполнении эдиктов самую ужасную изобретательность, вырабатывали при этом свои особенные приемы. Некоторые их истязания были не только страшны, но и нравственно омерзительны. Жестокость и продолжительность пыток, их оскорбительность были таковы, что в это гонение появляются случаи самопожертвования гонимых. Христиане и, в особенности, христианки, не желая предаться в руки посланных их арестовывать, сами заканчивали свою жизнь, кто мечом, кто бросались в реку, кто – с верхнего этажа приютившего их на момент ареста дома...

Гонение велось особенно сильно на Востоке, в Азии и в различных частях Египта, где христиан истребляли массами. Церковный историк Евсевий передает о гонении в Фиваиде, что в иной день, во все продолжение этого гонения, погибало до десяти христиан, в иной двадцать или тридцать, в некоторые от шестидесяти до ста. Он же рассказывает, что в одном фригийском городке все население поголовно оказалось христианским, не исключая его гражданского и военного начальников. Поэтому посланные исполнители императорского эдикта не нашли более удобного способа покончить с этим христианским городком, как обложить его горючим материалом и сжечь вместе со всеми жителями, не исключая женщин и младенцев. Некоторые из правителей областей, чтобы добиться своего назначения, старались зарекомендовать себя пред императором различными обещаниями. Так, например, рассказывали об одном правителе Анкиры, что он получил в свое управление этот город потому, что выказал уверенность в том, что пытками принудит всех христиан оставить свою религию. И, действительно, еще до своего прибытия в Анкиру, он нагнал такой страх своими обещаниями, что христианское население в большей части удалилось, и многие погибали от голода, скрываясь в различных глухих местах и пещерах.

И в целом уже первый эдикт Диоклетиана обратил против верующих в Истинного Бога самые порочные слои населения империи, пробудив их самые низменные корысти и страсти. Воры находили безопасную наживу, если принимались грабить дома преследуемых властями, и в Анкире частью оставшееся в городе, частью бежавшее христианское население подверглось такому разграблению. Не стеснялись пользоваться выгодами этого эдикта и более почетные лица. Так, например, в Кесарии Каппадокийской пострадала одна состоятельная женщина, мученица Иулитта, которая много терпела от наглости захватившего часть ее имущества соседа. А когда обратилась к суду, ее преступный сосед вместо того, чтобы оправдываться, заявил, что Иулитта не имеет права вести процесс, так как это воспрещено христианам, а

она христианка и не приносит богам жертвы. Святая Иулитта не отреклась от своей веры и ее за это казнили смертью через сожжение.

В некоторых случаях христиане сами навлекали на себя грозу своим стремлением к мученичеству, и вели и держали себя вызывающим на взгляд преследователей образом. Тот же историк Евсевий рассказывает о мучениках кесарийских, что некоторые из них приходили к начальникам провинций и заявляли, что они христиане; а один из них пытался остановить самого начальника, когда тот приносил жертву. И так как Кесария имела несчастье переходить из рук в руки правителям жестоким, раздражавшие их духовные герои страдали и погибали в самых утонченных мучениях.

Иногда бывало и так, что мучеников подвергали особенным истязаниям по недоразумению. Пример этого также представляет Кесария. Там было взято несколько христиан, которые на вопрос, как их зовут и откуда они родом, позволили себе употребить иносказательное выражение: они назвались жителями Иерусалима, разумея Град Небесный. К удивлению, оказалось, что начальник Палестины, к владениям которого принадлежала Элия Капитолина⁷, не догадался, что этот город прежде назывался Иерусалимом. Он принялся их расспрашивать, где этот Иерусалим расположен. Когда они сказали, что «на востоке», он счел нужным применить к ним самые жестокие пытки, чтобы добиться, где именно. Ему вообразилось, что христиане на самом деле основали новый город, враждебный Римской империи, в котором и поселились, а ему нужно разузнать его точное географическое местоположение.

Характерной чертой рассматриваемого нами гонения было то, что повсеместное по эдикту, оно не во всей империи было одинаковым по своей продолжительности и по своей силе. Частные распоряжения зависели от личного взгляда на дело каждого отдельного правителя по всей вертикали власти.

Как уже отмечалось, больше всех других провинций пострадал Восток Римской империи. Ведь здесь полновластно действовал сам инициатор гоне-

⁷ Тогдашнее название города после его разрушения в 70 году карательными войсками Тита Веспасиана.

ния Галерий, уже при Диоклетиане простиравший свое влияние далеко за пределы принадлежавших ему как кесарю владений. А сделавшись 1 мая 305 года восточным августом⁸ Галерий стал полным распорядителем христиан от Адриатического моря до Малой Азии включительно. Сирию с Палестиной и Египтом он отдал во власть еще более грубого, чем он сам нового восточного кесаря, своего племянника, ставшего полковником, и, получившего имя Максимиан, бывшего иллирийского пастуха Доя или Дая. На его правление падает особенно долгое и жестокое истязание христиан Востока. В 306 году Максимиан подтвердил эдикт о всеобщем принуждении христиан к жертвоприношениям, не исключая женщин и грудных детей. Он дал приказ, чтобы все съестные припасы были окропляемы идоложертвенной кровью. Точно такому же осквернению подвергались и все входившие и выходившие из бань. В 307 или в 308 год Максимиан вынужден был примкнуть к политике западных государей. Однако и здесь нашел исход, достойный своего зловредного характера. Он вздумал оказать христианам «милость» не убивать их, а выкалывать один глаз или перерезать сухожилия на одной (как правило, правой) ноге, и ссылать этих изуродованных христиан в рудники. В подвластной Максимиану области гонение продолжалось все 8 лет с лишком, пока 30 апреля 311 года смертельно и мучительно болеющий с 310 года август Галерий от своего собственного имени и от имени Константина и Ликиния законодательно не отменил инициированные им против христиан гонения. В этом его эдикте религия христиан признавалась дозволенной.

«Правительство, – говорилось в нем, – стремилось все устроить и упорядочить по древним законам, не могло не обратить своего внимания и на христиан, которые оставили секту своих предков и дошли до такого безумия, что стали следовать не тем древним учреждениям, которые установлены их первыми родоначальниками, по законам и порядкам, которые каждый выду-

⁸ В 305 году (в разгар гонений на христиан) Диоклетиан уговорил Максимиана Геркулия уйти вместе с ним с титулами старших августов в частную жизнь, передав государственные дела более молодым – Констанцию и Галерию. Геркулий, хотя и с большой неохотой, последовал его совету, и в один день с Диоклетианом сложил с себя в Медиолане знаки императорского достоинства (См. Евтропий: 9; 23, 27. Рыжов К. Все монархи мира. Древняя Греция. Древний Рим. Византия. Москва, 2001).

мывал по своему собственному произволу. Результаты правительственных мер вышли, однако же, невыгодные; некоторые действительно возвратились к древним учреждениям; но большинство не чтит надлежащим образом ни богов, ни христианского Бога. Поэтому императоры и решаются объявить христианам свою высочайшую милость. Пусть снова будут христиане, пусть они составляют свои собрания, только бы не делали ничего противозаконного. За эту нашу милость они должны молить своего Бога о благоденствии нашем, нашего государства и о своем собственном».

Язык этого эдикта образцово двусмыслен, что объяснимо с психологической точки зрения. Галерий – виновник воздвигнутого на христиан гонения – старается затушевать тот неприятный для правительства факт, что оно теперь делает перемену по отношению к Христианству. О смысле предшествующей борьбы эдикт выражается крайне скупно. Причина гонения в том, что христиане отступили от «секты» своих предков! Но тождественна ли эта «секта» с римской государственной религией? На этот вопрос, по-видимому, нужно отвечать отрицательно. И выходит, что Галерий пустил в ход фикцию, будто бы гонение вызвано крайним развитием сектантства в среде самого христианства. Они уклонились от своих собственных древних учреждений. Галерий хочет показать, что государство никогда ничего не имело против христианства в его первооснове. Христианство признается законом как совокупность древних религиозных установлений, отступать от которых не следует: эта религия признается полезной для государства наравне с другими религиями. По античному понятию о терпимой религии (*religio licita*) Христианству усваивается: 1) древность, что естественно для религиозного общества, которое существует 300 лет; и 2) статус, если не национального, то, по крайней мере, фамильного или родового культа, поскольку оно признается известным учреждением предков христиан. Таким образом, Христианство утратило ту неприятную черту, которую римляне не терпели и в каждом другом, не принадлежащем к дозволенным, новоявленному культу.

Императорские эдикты сначала предъявлялись префектам, которые отсылали их низшим начальникам. Префекты сопровождали эти рескрипты своими комментариями. Каждый действовал в пределах своей власти. Эдикт 311 года предоставил христианам право на существование. Но власти могли потребовать, чтобы христиане, исповедуя своего Бога, не обращали других в свою веру. Он не позволял язычникам свободно переходить в Христианство.

На Западе положение христиан изначально было лучше. Уроженец Паннонии Максимиан Геркулий, август Италии, Африки и Испании, был человеком военного склада, и потому преимущественно предписывал казнить христиан, служивших в войске (есть известие о казнях христианских солдат именно в его половине империи; известно даже предание, что будто бы при нем скончались мученически 6600 человек, но историческое значение этого предания спорно). Несмотря на суровый характер Максимиана, гонение на Западе не проводилось с такой строгостью, как на Востоке. Даже римский епископ Маркеллин не получил венца мученика. Отдельные случаи святого мученичества имели место в Испании. Впрочем, некоторые христиане здесь держали себя настолько ревностным образом, что Эльвирский собор 305 года, постановил одним из своих правил, что убитые в походах на разрушение языческих капищ и идолов, не должны быть признаваемы мучениками. В Африке гонение велось еще умереннее, и здесь оно преимущественно состояло в изъятии священных книг и разрушении и запечатывании христианских храмов, а не в казнях.

Западный кесарь Константин Хлор в своих владениях, Галлии и Британии, постарался, насколько возможно, смягчить действие эдикта, которого он, по своему подчиненному положению, не мог воспретить приводить в исполнение. По свидетельству Лактанция, он, пощадив самих христиан, ограничился тем, что разрушил несколько христианских храмов (по Евсевию он не сделал и этого). Но известна, несомненно, мученическая кончина в Британии: там в 304 или 305 году пострадал святой Альбан. Из этого нужно сде-

лать заключение, что и здесь некоторые правители провинций пошли дальше своего непосредственного государя, кесаря Константия.

С 1 мая 305 года Константин сделался правителем всего Запада с титулом августа. И здесь гонение прекратилось. Но восточный август Галерий был настолько неделикатен, что хотя Константин уже назначил кесарем своего сына Константина, избрал кесарем для Запада Флавия Севера. Константин добровольно уступил ему Африку. Иллириец низкого происхождения, выдвиженец и ставленник Галерия, Север хотел действовать во вверенной ему провинции в духе своего преследовавшего христиан покровителя.

25 июля 306 года Константин Хлор умер, и его сын кесарь Константин был провозглашен сильным и многочисленным британским войском августом, но был признан Галерием лишь кесарем. По отношению к христианам Константин следовал мягкой щадящей политике своего родителя.

В марте 306 года Флавию Северу противостал провозглашенный взбунтовавшимся в Риме войском августом сын Максимиана Геркулия Максентий. Хотя он и был человеком развратным и жестоким, Максентий немедленно прекратил гонение на христиан в Италии. А когда в 307 году Север был принужден победившим его в походе Максимианом Геркулием к самоубийству⁹, и во владение Максентия перешла Африка, гонений там больше не было.

Для борьбы с Максентием Галерий 11 ноября 307 года провозгласил августом Ликиния, и вверил ему в управление Паннонский диоцез. При Ликинии гонения завершились и здесь.

Таким образом, на Западе гонение продолжалось не более двух лет и в середине 305 года фактически окончилось. Христиане здесь пользовались сравнительно достаточной свободой, что доказывается двумя бывшими в это время соборами: Эльвирским в Испании и в Нумидийской Цирте в Африке. Эдикт о преследовании христиан был, однако, приостановлен в своем действии лишь административным, а не законодательным порядком.

⁹ Виктор: «О жизни и нравах римских императоров»; 40.

После того как Максентий захватил власть в Риме и к нему прибыл его отец Максимиан Геркулий, Константин охотно пошел на соглашение с ними. В 307 году Максимиан Геркулий предоставил ему титул августа и выдал за него замуж свою дочь Фаусту. Во вспыхнувшей затем борьбе за власть над всей Империей между Галерием и вернувшимся к управлению государством Максимианом и его сыном Максентием Константин проявил завидную осторожность, выжидая истощения сил воюющих сторон, постепенно наращивая свои силы и политическое влияние.

После разгрома и гибели Максентия 28 октября 312 года Константин как победитель вступил в Рим, и постарался проявить великодушие: он ограничился тем, что приказал убить только двоих сыновей свергнутого тирана. В честь победы Константина над Максентием в Риме воздвигли пышную триумфальную арку. В отличие от предыдущего правителя Диоклетиана, Константин оценил силу церковной организации и авторитет христианства среди самых различных слоев населения и армии. Он понял, что христианство и его мощная церковная организация могут быть прочной опорой абсолютной власти. Поэтому Константин принимает важное решение о примирении с христианской церковью и ее решительной поддержке. В 313 году после побед над своими политическими соперниками Константин и Ликийский издали в городе Медиолане свой знаменитый эдикт, известный в исторической литературе как Медиоланский, или Миланский.

Отличие Миланского эдикта 313 года от эдикта 311 года состояло в том, что в первом отменяются различные категорические ограничительные условия для принятия христианства, указанные в последнем эдикте. Августы Константин I и Ликийский I, встретившись в 313 году в Милане, сочли нужным предоставить и «христианам и всем другим полную свободу (*liberam potestatem*) следовать той религии, какой кто может и какую считает для себя наилучшей, чтобы всякое божество, какое только есть на небесном престоле, было милостиво и благосклонно к ним и всем нашим подданным». В их эдикте говорится об общей свободе вероисповедания для всех подданных. Но

так как вопрос решается собственно о христианах, то императоры особо подчеркивают, не раз возвращаясь к той мысли, что отныне христиане не будут подвергаться никакому притеснению, что им дается полная свобода (*liberam absolutamque facultatem*) следовать своей вере. Для всех других предоставляется полное и открытое право выбора между существующими религиями. В частности, сделано было распоряжение о безвозмездном возвращении христианам мест богослужебных собраний, конфискованных в последнее гонение. Если же они окажутся проданными в частные руки, то настоящие собственники могут требовать себе вознаграждение не от христиан, а от казны, в размере той суммы, которую они заплатили.

Таким образом, закончилась трехсотлетняя эпоха гонений на христиан со стороны язычников. Христианство окончательно признано дозволенной наравне со всеми другими существовавшими в Римской империи культурами религией. Христианам обеспечивалась дальнейшая свобода существования, и всем дозволялся беспрепятственный переход в их религию. Язычество дало ясное свидетельство своей внутренней несостоятельности, потому что духовной силе своего противника противопоставляло внешнюю силу и на его завоевания отвечало насилием государственной власти, пользуясь укоренившейся у государственных людей уверенностью, что Римская империя не может существовать без римского язычества. Против Христианства были выдвинуты и самые темные силы от предрассудков и деморализованных инстинктов низов языческого общества до романистических стремлений лучшего цвета империи, и государей, с их языческими нравственными и политическими идеалами. Такой разнородный состав противников Христианства лишь возвышает значение одержанной им победы. Притом что смелости и вдохновения жрецов язычества при проводимых гонениях хватало лишь на натравливание ярости языческих масс и начальников на юридически беззащитных христианских противников. Поэтому только языческая религия и пострадала от объявления Христианства дозволенным.

Некоторые полагают, что эдиктом Константина Христианство было сделано государственной религией. Но это противоречит его ясному и точному тексту. Хотя эдикт не признает в государстве никакой господствующей религии, он не отнял у язычников те привилегии, которые именно их религию делали господствующей на практике.¹⁰

Сам дважды сподоблявшийся Небесных явлений Креста как знамени и оружия своей победы над узурпаторами-противниками Константин дал своим детям христианское воспитание, и хотя они и он еще не были крещены, однако принадлежали к Христовой церкви. И таким образом, равновесие все-таки было нарушено. Всякому стало ясно, что Христианство сделалось религией государя, а личные воззрения императора для весьма многих имели тогда большое значение. И хотя Константин Великий до самой смерти носил титул «великого понтифика» (*pontifex maximus*)¹¹ и после смерти был объявлен богом, однако, когда последний раз был в Риме, ясно показал всем, какой религии он держится. А очищающее, возрождающее и освящающее Таинство Святого Крещения сознательно принял на своем смертном одре в Еленополе.

* * *

Окончив рассмотрение исторического экскурса о гонениях первого десятилетия IV века от Рождества Христова, перейдем к жизнеописанию мученика Сирена, также издревле именуемого на христианском Западе Синерием, Сереном, Сенером, Синером, Синетом, Сееном, Сарнефом и даже Сергием. По преданию Древней Христовой Церкви он был из тех людей, которых еще во времена гонений называли «монахами» или «монашествующими», и которые вели уединенную жизнь каждый в своем доме, либо же в пустынных местах.

Древнее и наиболее достоверное житие мученика Сирена содержится в старинном кодексе Мартина Ультраекта, которое сообщает:

¹⁰ Христианство как религия дозволенная в кн. Болотов В.В., проф. Лекции по Истории Древней Церкви. Посмертное издание под ред. проф. А. Бриллиантова. Т. 2 История Церкви в период до Константина Великого. М.: Издание Спасо-Преображенского Валаамского Ставропигиального монастыря, 1994.

¹¹ Пожизненная высшая жреческая должность в Древнем Риме.

Странствующий монах Сирен, гражданин греческого города, пришел в город Сирмий из мест своих странствий и начал возделывать сад, чтобы закончить там свои дни, ибо кроме садоводства другого искусства он не знал. Когда начались времена гонений, он укрылся, боясь телесных мучений. И однажды, когда он возделывал свой сад, некая женщина вошла в его сад и начал расхаживать по нему в неподобающее время. Когда святой муж понял, что она ходит тут для того, чтобы его соблазнить, он начал громко бранить ее и изгнал из сада, поставив ей на вид, что она, как честная матрона¹², должна наблюдать добрые нравы. А она, выйдя в смущении из сада святого мужа, начала возмущенно кричать, горя не столько о том, что была изгнана из сада, сколько оттого, что не была удовлетворена ее похоть. И она незамедлительно написала своему мужу, который был приближенным¹³ императора Максимиана, жалуясь на нанесенную ей обиду.

Когда ее муж получил это письмо и прочел его, он тут же издал гневные вопли и сказал императору Максимиану: «Пока мы находимся при тебе, наши жены, находясь в отдалении от нас, терпят бесчестие». И император дал ему право обратиться с претензией в суд к ректору провинции. Тогда тот обратился к судье и передал ему слова императора, сетуя на Сирена. Правитель, приказав доставить Сирена к себе, сказал ему: «Почему ты нанес бесчестие жене такого человека?» А тот с твердостью ответил ему: «Никакой матроне я не причинял никакого бесчестия; а помню только, как некоторое время тому назад некая женщина бродила в неурочный час по моему саду, и я закричал на нее и сказал, что не подобает ей тут быть, и что в такое время она должна возвратиться в дом к своему мужу». Когда же ее муж это услышал, он покраснел и замолчал, не осмеливаясь ничего больше сказать правителю.

Правитель же между тем начал размышлять о прямодушном порицании святого мужа, и сказал себе: «Этот человек, которому не понравилось,

¹² Женщина благородного происхождения и положения в обществе.

¹³ Скорее, речь идет о придворном титуле и правильнее переводить доместиком.

что женщина ходит по его саду, и показалось, что она ведет себя неподобающим образом, – христианин». Он спросил святого: «Какого ты вероисповедания?» А тот безо всякого промедления отвечал: «Я – христианин». Правитель сказал ему: «Где же ты скрывался до сего времени, и каким образом удалось тебе уклониться от принесения богам жертвы?» А тот отвечал ему: «Таким образом, что Богу было угодно вплоть до нынешнего времени сохранить меня в теле; поскольку же теперь было угодно Ему, чтобы я открылся, то я готов перенести страдания за Его имя, чтобы иметь часть в Его Царстве». Правитель же, услышав эти слова, весьма сильно разгневался и сказал: «Поскольку ты вплоть до нынешнего времени таился и презирал таким образом императорские постановления, а также не желал приносить жертвы богам, то я приказываю отрубить тебе голову», – и святого тут же схватили и повели на место мученичества, где он и был обезглавлен.

Аналогичные свидетельства приводятся и в старинном французском Житии этого святого, стилистически обработанный перевод которого приводится ниже.

Святой мученик Сирен, садовник

(† 23 февраля 307 года от Рождества Христова).¹⁴

Добрый садовник, испроси для нас божественную росу
(Из песнопений службы святому Сирену).

Святой мученик Сирен был греком по рождению. Приняв Святое Крещение и воспитавшись в истинной Христовой вере, он в совершенном возрасте оставил земные блага, своих друзей и Отечество, и странствовал в поисках подходящего места, где бы он мог послужить Богу в уединении, живя в девственном целомудрии и упражняясь в покаянии и молитве.

Обосновался святой в городе Сирмии в Паннонии, где и принял впоследствии за свое целомудрие и строгое назидательное нравственное поведение спасительную мученическую кончину от руки гонителей Христианства.

¹⁴ Перевод с франц. Жития святого Сирена или Сернефа, садовника, мученика. Ruinart D. Petit Bollandists; Жития святых. Том 2. Tiré de ses Actes sincères, publiés par D. Ruinart Tiré de: Les petits Bollandistes; Vies des Saints tome 2. С дополнениями составителя.

В правление императора Диоклетиана (284-305) последовал ряд реформ, в том числе имевших целью улучшить оборону Востока и Запада. С этой целью Паннония, Далмация, Норик образовали Иллирик – один из 12 диоцезов, на которые была разделена теперь вся империя. В свою очередь, Паннония разделялась еще на четыре части, чтобы обеспечить наилучшее наблюдение и военный контроль над всей провинцией. Один военный округ составили Паннония Первая и Прибрежный Норик. Командование войсками обеих этих провинций находилось в руках дука, размещавшегося в их общем центре Лавриаке. Отдельно управлялись и были самостоятельными областями Паннония Вторая, Валерия и Савия. Валерия находилась на лимесе¹⁵, и местом пребывания ее дука был Аквинк. Далмацию разделили на Превалитану с главным центром в Доклее и Далмацию, где столицей всей провинции оставалась Салона. Главным городом диоцеца Иллирик и был избранный Сереном для безвестного людям проживания на чужбине Сирмий, который, благодаря проведенным реформам, надолго стал местом частого пребывания западных императоров.¹⁶ С 1 апреля 286 по 305 годы и с 307 по 308 годы августом Западной части Римской империи был друг Диоклетиана Максимиан Геркулий (прозванный так за свои воинскую храбрость, успешность, свирепость и силу, подобные античному Геркулесу). В 295 году кесарь Галерий разбил на Нижнем Дунае карпов и бастарнов, и поселил на римских землях – в том числе в Паннонии – множество пленных.¹⁷

Святой Сирен приобрел себе сад, собственными руками привел его в прекрасное ухоженное и плодоносное состояние, и умело возделывал, поддерживая выращенными в нем фруктами и овощами свое отшельническое постническое существование.

¹⁵ Лат. *limes* – межа, предел – граница между отдельными участками земли, отведенной для граждан общины. В период Римской империи лимесом называлась укрепленная граница государства, которая охранялась легионерами. В систему лимеса входила сеть благоустроенных дорог, военных лагерей и сигнальных постов. См. Лисовый И.А., Ревяко К.А. Античный мир в терминах, именах и названиях: Словарь-справочник по истории и культуре Древней Греции и Рима / Науч. ред. А.И. Немировский. 3-е изд. Минск: Беларусь, 2001.

¹⁶ Колосовская Ю.К. Передвижения племен и падение Западной Римской империи.

¹⁷ Там же.

Когда началось гонение на христиан, затеянное кесарем Галерием с одобрения и при участии августов Диоклетиана и Максимиана, будущий святой мученик оставил свое уединение и, чтобы не быть арестованным, скрылся. Но, спустя некоторое время, возвратился, продолжая свойственные внимательно живущим монахам духовные и телесные подвиги. Для трудов в своем саде Сирен старался предпочитать теперь самое безлюдное очень раннее и совсем позднее время суток.

В конце одного из тех дней, когда он был занят своей работой, вошла в сад святого Сирена некая нецеломудренно настроенная знатная женщина в сопровождении двух юных девушек. «Что вы здесь ищете?» – спросил он у нее, когда их увидел. «Я очарована вашим садом», – отвечала она, – «и пришла сюда с намерением здесь прогуляться». «Женщины вашего положения», – возразил ей Сирен, – «не прогуливаются в такое время; в этот час вы уже должны были бы быть у себя дома. Очевидно, что вас сюда привело какое-то другое намерение, отличное от желания прогуляться. Я не могу читать ваших мыслей, поэтому покиньте это место как можно скорее и извольте в дальнейшем более внимательно охранять благоприличие, подобающее вашему полу».

Уязвленная настолько же справедливой, насколько и благородной укоризной святого, женщина ушла в смущении. И преисполненная решимости отомстить не ответившему ей греховной взаимностью Сирену, написала своему мужу, который служил в гвардии императора Максимиана, жалобу на мнимую обиду, которую как будто бы нанес ей садовник. Ее муж, получив это письмо, обратился к императору, и потребовал у него справедливости за такое оскорбление. «Господин», – сказал он отличавшемуся свирепостью и скорому на расправу воинственному Максимиану, – «в то время как мы проводим жизнь у вас на службе, наши жены вдалеке от нас оказываются беззащитными перед наглостью обидчиков!» Государь дал ему рескрипт на имя губернатора провинции, в котором предписал тому дать этому оскорбленному мужу всякого рода удовлетворение. Муж отправился в Сирмию, предста-

вил рескрипт губернатору и просил его отомстить за нанесенную ему через его жену обиду. «И кто же этот обидчик», – спросил губернатор, – «который посмел посягнуть на честь жены, в то время как ее муж столь близок к особе императора?» Воин ответил, что это ничтожный садовник по имени Сирен. Губернатор тотчас же послал отыскать его, и как только он был доставлен, начал с того, что потребовал у святого назвать свое имя. «Меня зовут Сиреном», – ответил оклеветанный коварной прелюбодеицей подвижник.

– Губернатор: Каков род твоих занятий?

– Сирен: Я – садовник.

– Губернатор: Как это ты имел наглость оскорбить жену военачальника такого ранга?

– Сирен: Никогда я не оскорблял ничью жену.

– Губернатор: Я задал тебе этот вопрос, чтобы ты сознался в преступлении, которое совершил в своем саду.

– Сирен: Я помню, как пришла некая госпожа, она пробыла в моем саду какое-то время в неурочный час с намерением, как она утверждала, там прогуляться. Это правда, что я имел смелость поставить ей на вид, что особе ее пола и ее положения не подобало выходить из своего дома в такой час.

Эти слова открыли мужу глаза на образ действий и поведение его супруги; он вышел, объятый смущением, не требуя более от губернатора мести против человека, в чьей невинности только что убедился.

Тем временем губернатор, пораженный ответом Сирена, увидел, что тот – человек добрый. Впрочем, понимая, что Сирен, не будучи виновным, обличил эту даму с благородной смелостью, губернатор заподозрил, что он – христианин. И продолжил допрос с целью выяснить это. «Кто ты», – спросил он, – «и какова твоя религия?» Не колеблясь ни минуты, Сирен отвечал: «Я – христианин».

– Губернатор: Где же ты прятался, и как тебе удалось уклониться от принесения жертвы богам?

– Сирен: Я с плачем обратился к Господу, чтобы он сохранил мне жизнь на некоторое время. И казалось, что Он отверг меня, как камень, негодный для Его строения. Но сегодня Он явил на мне Свою благодать и забирал меня, чтобы водворить там. Наконец, я готов вынести все за Его имя, чтобы Он после этого принял меня в Своем Царстве со Своими святыми.

«Отлично», – сказал ему губернатор в гневе, – «раз ты решил уклониться бегством от исполнения императорских эдиктов и укрылся, чтобы не приносить жертвы богам, то в наказание за твои преступления тебе отрубят голову». Как только он произнес этот приговор, святой еще более преисполнился благодатной безстрастной смелости, и проследовал на место казни, где его 23 февраля 307 года и обезглавили.

* * *

О том, что святой Сирен стал мучеником в Паннонской Сирмии свидетельствует и Древний мартиролог, приписываемый святому Иерониму и опубликованный Флорентием в Луке. В нем имя святого соединено с шестьюдесятью двумя другими христианами, пострадавшими там же в разное время. Другие мартирологи, например Римский, насчитывают там пятьдесят два мученика, вероятнее всего пострадавших в те лютые гонения еще до Сирена (так как через восемь с половиной месяцев после его мученичества Паннонский диоцез возглавил провозглашенный Галерием в противовес сыну Максимиана Максентию августом Ликий I, который всяческие противохристианские гонения и мучения здесь прекратил).

В повествовании «О святом Сирене, иначе Синерии, монахе и мученике в Сирмии, в Нижней Паннонии» подчеркивается, что этот город, некогда резиденция императоров, был с самых первых лет существования Церкви просвещен христианской религией и стал знаменитым благодаря крови многих мучеников. Считается, что там жил Сирен, или же Синерий, и был он из тех людей, которых еще во времена гонений называли «монахами» или «монашествующими», и которые вели уединенную жизнь каждый в своем доме,

либо же в пустынных местах. И он принял мученический венец около 300 года.

Древний Римский мартиролог, изданный Гербертом Росуэндо, содержит следующие слова: «[День памяти] Синерия монаха и сорока двух мучеников».

Манускрипт мартиролога Центулейского монастыря святого Рихария, который прежде назывался монастырем святого Беды, свидетельствует: «[День памяти] святого монаха Сирена из Сирмия, который был обезглавлен при императоре Максимиане».

Жития святого Сирена кратко изложены современником Карла Великого Узуардом, искуснейшим во всяческого рода знании и почитаемым во святых Бедой, епископом Адоном, аббатом Ноткером, епископом Петром Эквиллинским.

У Узуарда находится много самых древних записей, которые согласуются с Римским мартирологом и с трудом Беллини из Падуи, опубликованным приблизительно за сто шестьдесят лет до того, которые сообщают: «[День памяти] блаженного Синера (в Римском и прочих манускриптах – Сирена) из Сирмия, монаха и мученика, который был схвачен в соответствии с приказом Максимиана и, поскольку он объявил, что он христианин, был обезглавлен». С этим кратким упоминанием мученика находятся в согласии и другие мартирологи, написанные в различное время другими авторами, которые ни имени Узуарда не называют, ни порядка его фраз не соблюдают.

Мартиролог, известный как Мартиролог Беды так излагает обстоятельства, место и причину умерщвления святого Сирена: «В Сирмии, родном городе святого монаха Сирена, который во времена императора Максимиана возделывал сад, тот обнаружил прохаживавшуюся в неподходящее время в саду жену одного из домочадцев императора, изгнал ее от себя резкими словами, был схвачен по приказу императора Максимиана и, исповедав себя христианином, был казнен через отсечение головы».

То же самое содержится в мартирологах у Адона Венского и у аббата Ноткера.

К Сирмии его относят и более поздние и многочисленные авторы: Молан, Канизий, Гиний, Галезиний. Последний показывает в Аннотациях, что хотя он и пишется как Сирен, но во многих манускриптах называется Синером. А в манускрипте Флорариум пишется: «В Сирмии блаженного Сирена, иначе Сергия, иначе Сенера, монаха и мученика при Максимиане, в год от пришествия спасения 287».

Но святой Сирен умер не в 287 году, как говорится во Флорарии, а, по меньшей мере, после 303 года. Ведь, как это явствует из манускриптов, правитель удивляется: «А где же ты скрывался до сего времени, и каким образом удалось тебе уклониться от принесения богам жертвы?» Мученик же отвечает ему: «Таким образом, что Богу было угодно вплоть до нынешнего времени сохранить меня в теле». Значит, он был убит не в начале гонения, когда христиан разыскивали еще не с таким большим усердием, но впоследствии, когда гонение в последние два года царствования Диоклетиана и Максимиана возгорелось выше всякой меры и никакое потаенное место уже не могло их скрыть, никакая даль и глушь не могла их утаить. И скорее всего, что впоследствии писатели присовокупили к Сирену и, как бы после него, шестьдесят двух или семьдесят двух мучеников, которые стяжали пальму в том же городе, и прежде него Петр из Наталя (книга 3, глава 150) пишет, что они пострадали при том же императоре, что и Серен.

На основе различных свидетельств и примеров Бароний показывает в Заметках на этот день, что мученик был монахом во времена Максимиана и из тех многочисленных увенчанных мученическим венцом, а кроме того он прибавляет, что о Сеене уже писал Петр (книга 3, глава 147):

«Монах и мученик Серен пострадал при Максимиане при Сирмии. Он возделывал свой сад и был ближайшим другом одного из домочадцев императора. Однажды он обнаружил, что жена его друга в неподобающий час ходит по его саду, и резкими словами обличил ее в бесчестии за то, что она од-

на вошла в неуместное время в сад монаха, и изгнал ее с бесчестьем. Она пожаловалась на Серена своему мужу и сетовала, что тот грубо и постыдно изгнал ее. А тот, услышав такие слова, пришел в ярость на того, кого он укрывал прежде как друга, и донес на Серена императору Максимиану, что тот христианин. Тогда Серен был схвачен по приказанию императора и обезглавлен в седьмой день мартовских календ».

День рождения¹⁸ святого Сирена в некоторых мартирологах перенесен на другое время вследствие небрежности переписчиков, которые копировали манускрипт, или же на то была какая-либо другая причина. В Мартирологах Маркианского и Аквицинского монастырей в словах, которые Узуард использовал в отношении двадцать третьего февраля, напротив двадцать первого февраля записаны шестьдесят два мученика, пострадавших в Сирмии, и Север (вместо Сирена), монах и мученик, как мы писали об этом. А напротив двадцать второго февраля то же самое содержит манускрипт святого Иеронима, он же древнейший Римский: Сирмийца Серена и прочих тринадцать. Манускрипт Divitis-Augie, он же Richenoviense на тот же двадцать второй день: в Сирмии, святого Севера и прочих семидесяти одного.

Некоторое время спустя после принятого им мучения останки святого Сирена были торжественно перенесены Оверньским епископом Ювеналом в город Биллом. Место, в котором они были водворены, называется садом святого Сернефа (Жардан-Сен-Сернеф). Несколько позже они были помещены в храме, носящем название Нотр-Дам.¹⁹

¹⁸ Конечно, речь идет о дне мученичества, то есть рождения для Царства Небесного.

¹⁹ Святой Сирен, именуемый там Сирением особо почитается в Оверни в Галлии. Притом, что в своем дополнении к Галльскому мартирологу Сауссэй однозначно называет этого мученика Сирмийским. И в развитие этого свидетельства пишет, что его почитают в Оверни, но не обозначают того, что он там претерпел за исповедание христианской веры.

У Иоанна Молана в Добавлении к Узуарду на этот день указывается: «В краю Оверньском, святого Сирения, знаменитого мученика». У Петра Галезиния: «В Оверни, святого Сирена, который был увенчан славным мученичеством». Феррарий в Общем каталоге святых, ссылаясь в своих записках на Галезиния, указывает: «В Оверни, святого Серена мученика».

И Сауссэй, когда начал составлять свой Мартиролог, на этот день пишет следующее: «В Оверни, в Клермоне святой мученик Сирен, который за славную твердость исповедания Христова имени был страшно мучим и, совершив свое светлое поприще, принял пальму вечной славы». Однако же в дополнении к этому Мартирологу он сообщает более обстоятельные сведения в следующих словах:

«В деревне Биллон, в Оверни существует почитание многоценных мощей святого Сирена, монаха и мученика, который за исповедание христианской веры был обезглавлен в Сирмии по приказу императора Макси-

На сегодняшний день часть честных и многоцелебных мощей мученика монаха Сирена находится и почитается и у православных христиан. В ризнице наместника Свято-Ильинского Одесского мужского монастыря, архимандрита Виктора в специально устроенном ковчеге пребывает чудотворная мученическая глава. Известной иконописцем монахиней Ириной написана большая поясная икона святого Сирена, благодаря чему его церковное почитание в Одессе, Украине и России ширится и растет.

В воспоминание о его профессии садовника, вследствие которой он сам нуждался в хорошей погоде, святому Сирену молились и молятся о благораспорядке воздухов (способствующей плодородию и здоровью хорошей погоде), что все более и более актуально из-за оскудения запасов чистой воды и осадков при усиливающейся жаре и засухе. Помолимся же святому мученику и мы, с верой его прося: «Добрый садовник, и для нас божественную росу испроси!»

* * *

миана. Впоследствии его святые мощи были перенесены в Галлию и размещены в коллегиальной церкви («ecclesia collegiata»; очевидно, речь идет о церкви, при которой был капитул и находились каноники. Может быть и монастырь) для поклонения местных жителей вместе с костями святого мученика Ювеналия, а также святого епископа и исповедника Максимиана. Под их покровительство толпами стекались местные жители, особенно же когда случалась необходимость в дожде или в ясной погоде прибегали с верой к помощи своего славного заступника, добываясь желаемого через его ходатайства. Блаженнейшие же монахи аббатства этого мученика дважды в год совершали его память со всяческим почтением, в тот день в вышеуказанной церкви Биллона, а затем в шестой день мая – в церкви-Матери в Оверни. Почитая память перенесения мощей, они также праздновали первоначальный день памяти мученика.

Видимо деревней Биллон называется городок Биллон в Нижней Оверни, или Лимании. Ибо Франциск Ранхин (по-французски: Франсуа Раншэн) в своем Описании Франции (С. 296) упоминает первенствующую церковь городка, в которой находится многочисленная коллегия каноников, посвященная некоему святому, которого называют по-французски (дословно: на галльском наречии) Сернёф: «Я полагаю, что это Серен или Сирен», – комментирует это Сауссэй.